

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ: ПАРАДИГМЫ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

В Риме с 27 по 29 октября 1994 г. проходила итало-российская конференция по проблемам Российского общества в конце XX столетия. Она организована римским университетом "Ла Сапиенца", в частности инициатором выступил факультет социологии, при спонсорской поддержке Национального совета по исследованиям, Министерства высшего образования и научных исследований. В ней приняли участие более 50 социологов, прогнозистов, экономистов, историков, юристов, политологов, работников культуры обеих стран, а также с итальянской стороны представители Международного европейского движения, Итальянской ассоциации социологии, Центра модернизации и развития "Джино Джермани" и Института русского языка и культуры.

Было заслушано и обсуждено 25 докладов и большое число кратких сообщений.

На открытии конференции выступил посол России в Италии.

Во вступительной речи главный организатор конференции профессор Р. Беттини сформулировал две "аксиомы" современного переходного периода в России: 1) традиционный тип "простого советского человека" – культурно-политический продукт азиатского деспотизма, предпочитающий исполнять приказы сверху и индифферентный к историческим процессам, что неизбежно входило во все большие противоречия с происходившими изменениями в обществе; 2) неизбежность вливания российского социума в мировое сообщество, причем неизбежно в порядке соперничества, но хотя бы путем реалистических сопоставлений. Следствиями должны неизбежно стать: отказ от традиционных для советского периода самовосхвалений (в частности, прославлений особой "русской души"), объективная оценка ситуации и большее внимание к призывам солидарности.

Умозрительно можно представить, например, такие варианты развития России: а) плюралистическая демократия; б) этнический фундаментализм (славянофильство в широком смысле); в) реставрация "реального социализма"; г) смещение двух последних вариантов. С учетом данных альтернатив, первоочередные постсоветские проблемы, – это проблемы рынка, деспотичного культурного наследия и гласности, политической стабильности, реформирования государственного аппарата в направлении большего разделения властей, повышения действенности законодательных актов.

Становление рынка в России сталкивается с трудностями его структуризации, безынициативностью крупных корпораций, отсутствием активной модели общественной деятельности и т.д. Создать рынок на пустом месте методом приказов невозможно, его развитие – это медленно идущий процесс продвижения к предпримчивости и относительному риску. Крупные государственные предприятия ВПК, призванные непременно сохранить для страны роль сверхдержавы, могут содействовать рынку, но не заменить его, ибо он живет прежде всего подлинным предпринимательством. Возможность повсеместного предпринимательства не реализуется в значительной степени из-за апатии рабочего класса, который привык лишь получать руководящие указания от государства и еще не усвоил основ самоуправления. А законодательство в этой области рискует оказаться под исключительным влиянием монетаристских концепций. Профсоюзы отвечают экономическим террором на такие издержки реформ, как безработица и инфляция. Старая номенклатура пытается создать новые монополии. Дефицит бюджета громаден, налоговая и денежная системы нуждаются в перестройке. А на международную помочь конкурируют страны третьего мира.

70 лет командно-административной системы закрепили "азиатскую" ментальность. Эта область крайне трудна для вмешательства.

Достижение политической стабильности в России, по-видимому, невозможно иначе, как реализацией президентского правления, признающего парламент и гласность, открытого периферии, сознавшего всю рискованность национальных конфликтов.

При внешне жестких атаках на бюрократизм большевики только бюрократизировали общественную и личную жизнь. Несмотря на периодические фасадные чистки, советский аппарат оказался не способным ответить потребностям современного государства. Сейчас необходимо пересмотреть самый статус бюрократии, ввести соответствующие гарантии действенного контроля над нею, изъять корни превращения политики в доходное дело. Главные рычаги решения этих задач лежат прежде всего в области правосудия. Речь идет о возвращении на путь, проложенный в прошлом веке проектами Сперанского и реформами Александра II, т.е. о создании правового государства, в котором разделены властные функции, гарантирована защита фундаментальных прав и интересов гражданина от бюрократических структур.

А. И ц о акцентировал внимание на том, что "мир богатых стран" в тех или иных формах чувствует давление "мира бедных". Игнорирование второго мира грозит неконтролируемыми и непредсказуемыми последствиями. Поэтому политика самосохранения требует от богатых стран регулярных жертв, направляемых на помощь государствам, нуждающимся в решении казалось бы исключительно внутренних проблем.

Р. д и Л е о подчеркнула, что большевистская система никогда не базировалась на собственно марксистской теории в ее западном понимании: от нее мало что оставалось после прихода к власти малограмотных "людей из народа". Была некая множественность управленческих культур, где марксистские лозунги существовали с "народной" практикой управления, которую реализовали малокультурные и падкие на сооружение "потемкинских деревень" руководители. Да и сам марксизм, еще с самого начала, не мог дать ответа на многие возникавшие вопросы.

Надежды на быстрый переход советской системы к обществу западного типа в результате исчезновения единственной партии, введения рынка и образования среднего

класса оказались на сегодняшний день несущественными.

В. З а с л а в с к и й говорил, что исследователи советского общества по-разному оценивают причины его кризиса и последующего коллапса. Одни исходят из концепции единства (по своей сущности и результатам) процессов модернизации для разных стран и рассматривают советский случай как локальный вариант модернизации мирового сообщества, приводящий к конвергенции различных социальных систем. Другие настаивают на специфическом характере советской модернизации, который, кстати, и привел общество в тупик. И для того чтобы возобновить движение к рыночной экономике и демократии или найти иной тип восходящей эволюции, понадобится устраниТЬ многие следствия этого варианта модернизации.

Докладчик предложил свою интерпретацию проблемы, рассмотрев советскую "милитаристскую модернизацию" как ключевой процесс, приведший к возникновению "военно-индустриального общества" особого типа. Оно не совпадает с традиционным пониманием индустриального общества; его своеобразие состоит в том, что милитаристская модернизация обеспечивает только частичное и селективное освоение достижений технологической революции, но не приводит к созданию экономических, политических и правовых механизмов, генерирующих возникающие потребности и установки и способствующих переходу к новым методам производства. Симбиоз новейших технологий и примитивных, доиндустриальных форм организации труда и общественной жизни, отсутствие социальных институтов, необходимых для развития и закрепления у населения инновационного поведения – все это способствовало хищническому и необратимому истреблению ресурсов.

Советское общество продемонстрировало миру редкий пример социо-культурной эволюции, когда технологический прогресс в отдельных отраслях экономики порождает негативную обратную связь, которая гасит первоначальные импульсы развития и нейтрализует силы модернизации.

В ходе дискуссии А. А с т а х о в развил мысль, что ориентированная на ВПК советская экономика объективно требовала директивных методов управления. Но такие методы могли давать эффект лишь в отдельных сферах народного хозяйства, а не в масштабах всей страны. Эффект в одних сферах мог достигаться лишь за счет

финансово-ресурсного ограбления остальных сфер. Бесконечно долго такая скобоченная экономика существовать не могла, поэтому ее крах был изначально заложен в самой идее директивной милиаризированной экономики.

Б. Дубин посвятил свой доклад новым социальным слоям российского общества. Советская система базировалась на максимальном огосударствлении социальной жизни и номенклатурном принципе формирования "элит", которым противостояли опекаемые и воспитуемые "массы". Собственно публичное пространство – сфера взаимного представительства и сопоставления интересов различных групп – отсутствовало, каналы массовой коммуникации были монополизированы.

Перемены в этой области после августа 1991 г. автор свел к следующим: 1) появление новых каналов идентификации общественных групп по интересам; 2) возникновение новых форм социальной жизни и пересмотр системы ценностей; 3) появление "новых людей", выход в публичную сферу представителей новых общественных слоев и превращение "возрастной шкалы" в своеобразный измеритель социальной мобильности.

В докладе приведены данные ежемесячного мониторинга общественного мнения по экономическим и социальным проблемам (1993–1994 гг.) и материалы специальных опросов, проводимых Всероссийским центром изучения общественного мнения.

Дж. Лами остановилась на характерных чертах непрекращающихся дискуссий о модернизации в годы российской перестройки. Центральное положение в этих дискуссиях по-прежнему занимает вопрос о том, нужно ли совершить "прыжок" на Запад, принимая его экономические и социополитические модели, или же следует замкнуться в собственной национальной специфике, стремясь обрести свой "путь к прогрессу".

В лагере "западников" наблюдается тенденция подчеркивать роль, которую при установлении тоталитаризма играли авторитарные традиции царской России и пассивность крестьянства, привязанного к религиозному идеалу соборности, противостоящему свободному, индивидуальному и коллективному развитию. "Неославянофилы" против негативной оценки истории России. Они приписывают эту оценку плохо скрытой русофобии, якобы восходящей к тому разрыву с народом и его традициями,

который и привел к извращениям после Октябрьской революции. С 1987 г., параллельно с дискуссиями о сталинизме, распространяется отрицательная оценка реального социализма и его последствий, делаются сравнения с миром Запада, раскрывающие ошеломляющую истину. Советское общество вдруг осознает, что оно поражено всеми болезнями, которые прежде приписывались обществу капиталистическому. В то же время стало ясно, что предсказания классиков марксизма-ленинизма не сбылись: Запад неоднократно переживал свои кризисы и достиг процветания, благосостояния и демократии. Наступает понимание, что для достижения материальных и духовных благ цивилизации у давно проложенного человечеством пути нет альтернатив. Но с начала 1991 г. сами российские "западники" проявляют некоторый пессимизм в отношении возможности легкой интеграции СССР в "цивилизованный мир".

К сожалению, споры о модернизации общества все больше перемещаются из области экономических исследований в сферу политической пропаганды посредством манипулирования историей.

К. Съедина рассмотрела вопросы русского самосознания. Европейское общественное мнение воспринимает Россию как все менее управляемую, а западные масс-медиа часто представляют как "диснейленд экологических бедствий и фанатических эксцессов".

А. Астахов представил анализ положительных и негативных изменений в экономической жизни российского общества. В целом, по его мнению, смена экономической системы со всеми благоприятными и тяжелыми ее проявлениями в переходный период происходит быстрыми темпами, причем новые процессы складываются во многом спонтанно.

Перестройка во многом сопряжена с рядом препятствий как экономического, так и социального характера, вначале недооценивавшихся, но весьма действенных. Оценка чисто организационного уровня осуществления реформ вряд ли может быть признана удовлетворительной. Разрушив старую управляемую систему, мы не построили пока лучшей, новой.

Пожалуй, главным результатом проводившейся политики реформ явилось то, что общество с трудом, но выдержало это испытание и все же сохранило, хотя и снизившийся до абсолютного минимума, ресурс терпения. Один из важнейших итогов последних двух лет – сдвиг ментальности

широких масс от государственного иждивенчества к индивидуальным поискам "своей ниши" и своих экономических решений. Общество доказало способность к перестройке, опередив в своей трансформации государственные структуры, и это дает надежду на будущее.

Представляется, что дальнейший ход реформ будет зависеть не столько от личностей и их программных обещаний, сколько от столкновения интересов экономических групп. Главной из них уже сейчас стала компрадорская буржуазия вкупе с чиновничеством. Эта комплексная группа включает и "акул" бизнеса, и работников госаппарата, и мафиози, и "мелкую рыбешку". Всех их объединяет сегодняшняя возможность быстрого личного обогащения. Поскольку эта цель наилучшим образом реализуется в условиях нынешнего хозяйственного безвластия, они не склонны усилить законодательное укрепление государственной власти. Пока что идет накопление капитала компрадоров и, очевидно, этот процесс объективно необходим. Если же взглянуть на него с позиций более отдаленного будущего, то создание концентрированного богатства – предпосылка последующего быстрого роста экономики.

К. Фратески, Дж. Сальвани высказали свои соображения по поводу интерпретации причин, вызвавших распад СССР и кризис экономики. Таких интерпретаций две. Согласно первой, накануне прихода к власти Горбачева советская экономика переживала определенные трудности, но в целом система централизованного административного планирования функционировала достаточно стабильно. Согласно этой, консервативной точке зрения, в радикальных реформах нет необходимости. Горбачевская перестройка подорвала стабильность системы, вызвав кризисное состояние экономики, паралич власти и, наконец, полный распад системы.

Вторая версия причин в том, что команная экономика никогда не была жизнеспособной и несла в себе элементы, которые предопределили ее неизбежный распад. К ним, в частности, относились: а) систематический дефицит во всем, являвшийся следствием бюрократического планирования; б) преувеличенный спрос "на все", в сочетании с монополистической структурой производства, порождающий ситуацию "рынка продавца"; в) искаженный характер стимулов к труду и, соответственно, полная потеря трудовой этики.

Обе интерпретации имеют в основе общее утверждение: распад советской

системы – это результат взаимодействия ее элементов и различных внутренних и внешних факторов, не говоря об ошибочных и несвоевременных мерах экономической политики. К наиболее существенным внешним факторам докладчики относят: программу перевооружения, предпринятую администрацией Р. Рейгана в начале 1980-х годов, особенно СОИ; помощь, оказанную США антикоммунистическим войнам во всем мире; сильное снижение цен на нефть с середины 1980-х годов; непредвиденные последствия подписания СССР Хельсинского соглашения 1975 г. и устойчивые экономические успехи стран СБСЕ.

Среди мер, предпринятых в горбачевский период, наибольший ущерб системе нанес "Закон о государственном предприятии". Его следствием были резкое повышение цен, изменение производственного ассортимента, уменьшение объемов производства, огромное повышение номинальной заработной платы, ухудшение материально-технического снабжения предприятий.

В. Шаров в кратко изложил суть проблемы формирования новой идеологии российского общества. Он заключил, что Москва когда-то стала не столько "третьим Римом", сколько "вторым Иерусалимом", претендующим на роль "священной земли избранного народа".

В свое время успехи фашистских партий в Германии и Италии привели Сталина к мысли обогатить идеи коммунизма старыми национальными доктринаами. В рамках международного коммунизма этот синтез воплотился в концепцию русского народа – старшего брата, предводителя других народов на пути к коммунизму.

Идея государственности стала основой союза коммунистов и ультранационалистов. Антисемитизм, активизированный широким участием евреев в революции, привел к созданию фашистских групп, стремящихся к изъятию евреев из мировой истории. Эманация старой идеи избранничества русского народа пронизывает всю идеологию и пропаганду партии Жириновского. Мощная группа ориентируется в настоящее время на православную церковь, пытаясь создать базу для влияния церковной иерархии на политическую жизнь страны. Возможно, это окажется одной из успешных тенденций.

Видимо, в течение ближайших пяти лет сложится новая "команда". Наиболее крайние силы останутся аутсайдерами, а национализм в России будет смягчен необходимостью считаться с инорелигиозными и инонациональными элитами.

В. Кейдан посвятил свой доклад роли

религии и состоянию православной церкви в России в настоящий период. Он огласил впечатляющие данные: 60% населения России считают себя верующими; христианами – 38–50%. Около 15–20% регулярно посещают православные храмы. Но церковь как религиозный институт до сих пор не может оправиться от жесточайших репрессий и не готова принять на себя надлежащую ей общественную функцию. Реальной угрозой обществу сегодня являются смыкание церкви с красно-коричневыми силами и церковный раскол.

О. Седакова исследовала тему "Запад во вчерашней и сегодняшней русской культуре". Миf "Запада" стоит в центре всей российской истории послепетровского времени. Русская культура как будто не мыслит себя вне этой конфронтации, а "Запад" остается как бы ее внутренним компонентом. И многое из того, что (с одобрением или отталкиванием) трактуется как "западное", в действительности представляет собой чисто местное явление, потерявшее реальную связь со своим европейским образцом.

Массовому и официальному обращению к Западу, начатому Горбачевым, предшествовало другое "западничество": движение независимой творческой, художественной и научной интеллигенции в годы изоляционизма и ксенофобии классического "развитого социализма". "Европейство" культурного авангарда 1970-х годов было своего рода "тоской по мировой культуре", как она виделась из "рва" советской бесчеловечности. Действительный постиндустриальный Запад был практически неизвестен. Экономический и правовой аспекты почти не входили в проблему "Запада".

Встреча с реальным Западом, которая стала возможной лишь к концу 1980-х годов, для многих явила шокирующим разочарованием. Сыграл свою роль и религиозный ренессанс в России. "Антизападники" и "западники" в сфере культуры располагают, по существу, одним и тем же образом Запада – бездуховным, антитрадиционным, скептическим, материалистским. Серьезная работа по изучению Европы как реальной системы ценностей происходит сейчас в других областях: экономической, социологической, юридической. И это, в отличие от карикатурных "западничества" и "славянофильства" современного искусства, – действительно новое явление в российской истории.

По мнению Ю. Левады, институциональные, социальные и психологические основы современного цивилизованного об-

щества в стране либо не созданы, либо деформированы различными структурами эстетизма. Переход от планово-распределительной "дефицитарной" экономики к рыночной происходит трудно и чреват рядом социальных осложнений. "Обваленный" характер перемен, видимо, оказался единственным возможным для российской экономики, как и путь формирования новой управляющей и бизнес-элиты на основе существовавшего слоя менеджеров и администраторов. Но этот путь опасен, поскольку стимулирует коррупцию аппарата. Восприятие социально-экономических трансформаций в обществе неоднозначно и часто противоречиво. Практическая адаптация к новым экономическим условиям сочетается у многих людей с их идеологическим неприятием. Романтические представления о приватизации и частной собственности преодолены, но реалистические пока не сложились. Все еще широко распространены надежды на государственное регулирование цен, альтернативный безболезненный вариант реформы и т.п. Однако мнение о невозможности вернуться назад все более укрепляется.

В. Шейнис посвятил свой доклад политическому аспекту современного периода, который может быть обозначен как "интерлюдия". Завершился большой цикл событий, на авансцене еще остаются прежние герои, но занимавшие их проблемы ушли либо уходят. Складывается иная расстановка сил, а старая инерция еще властвует над сознанием и поведением людей.

На всем посткоммунистическом пространстве второй половины 1980-х годов повторялись вариации одного и того же цикла, который проходил, как правило, три фазы. *Первая* – кризис и морально-политическая изоляция прежнего режима; создание широкой гетерогенной антибюрократической коалиции, идущей к власти с расплывчатой демократической и рыночной программой. *Вторая* – победа или полу-победа этих коалиций, которые затем сталкиваются с объективными трудностями, а также совершают ошибки и просчеты. Идет дискредитация победителей, размытие их социальной базы и распад коалиции. *Третья* – приход к власти лидеров и организаций, сумевших аккумулировать массовое разочарование и недовольство, ностальгию по старому порядку. В восточной Европе это происходит посредством выборов, и хотя новые победители вышли из старых компартий, они успели пройти

благотворный процесс социал-демократизации. В азиатском варианте бедного и жестко стратифицированного общества вторая фаза либо выпадает, либо переход к третьей идет через кровь.

Россия едва ли сумеет миновать третью фазу. Вопрос только в том, когда и с какими издержками, по какому варианту она в эту фазу войдет и пройдет. В августе 1991 г. в России победил широкий демократический фронт, теперь он распался и возродить его на прежней основе не удастся.

Российские демократы оказались в клинче: в политическом строе, установившемся при их активном участии, нарастают авторитарные тенденции, а приход к власти его противников грозит еще большей бедой. Вновь встает сакральный вопрос: что делать? Ничего нового здесь придумать нельзя. Надо создавать организацию, созидающую, на кого она опирается в обществе, и выстраивать систему политических союзов. Для сохранения и упрочения демократии и рыночных реформ необходима сильная партия социал-демократической ориентации.

Доклад Р. Беттани касался государственного управленческого аппарата и армии сегодняшней России. Он отметил, что несмотря на ряд проведенных изменений, новое Российское государство пока не осуществило в полном объеме перестройку своего управленческого аппарата. Нет единой номенклатуры и не установлен статус государственного служащего. Не создана единственная система гарантий юридической защиты граждан от злоупотреблений со стороны государственных служащих. Не введена система подбора их кадров на конкурсной основе. Все это – наиболее актуально. Общая численность государственных служащих в процентном отношении ко всему населению России ниже, чем на Западе, и поэтому есть основания считать, что она будет возрастать. Но данная тенденция не противоречит необходимости борьбы с бюрократизмом.

Общая ситуация в российской армии определена докладчиком следующим образом. Русские военные унаследовали от эпохи советской армии роль вооруженных сил великой державы, но речь всегда шла лишь о роли в политике, а не о влиянии на политику. От советской армии сохранилось и пристрастие к неоправданной секретности. В профессиональном плане намечено постепенное приближение к стандартам наиболее развитых стран. Естественно, существует опасность попыток использования вооруженных сил во внутрипо-

литической борьбе. Среди военных растет недовольство экономическим и жилищным положением, выливающееся в стремление скорее сохранить роль России как великой державы, хотя и не отражающее устремлений оказывать влияние на внутреннюю политику страны.

И гражданско-бюрократический, и военный секторы могут тормозить переход к рынку с целью сохранить власть. Если попробовать отыскать какой-то общий знаменатель для обоих секторов, то его можно найти в связи с периодами "смуты". Теневая экономика и коррупция также угрожают им в равной степени.

В целом же, гражданская и военный аппараты управления, имея решающее значение в реализации государственной политики, выступают наилучшими индикаторами текущего переходного этапа и совершающегося сейчас выбора парадигм развития общества. Какие из них победят, мы сможем судить по облику этих двух аппаратов.

Н. Чалымов в своем докладе некоторые предпосылки и состояние реформирования вооруженных сил России. Он полагает, что формирование мировоззренческих основ реформы не следует связывать с полной деидеологизацией армии: отказ от коммунистических идей вовсе не означает отказа от какой бы то ни было идеологии вообще. В основе духовного возрождения российской армии он видит восстановление национальной гордости через очищение и реанимацию самой этой идеи в новых условиях. Нельзя смешивать понятия деполитизации и департизации армии. Говорить о первой можно лишь как о выходе армии из активного политического процесса борьбы за власть и тем более – участия на стороне любых противоборствующих сил. Необходимо кардинально пересмотреть самые основы военного строительства России. В современных условиях армия способна и должна быть фактором недопущения войны, гарантом мира.

С. Боботов проанализировал вопросы перестройки системы правосудия. По мнению докладчика, в основу должны быть положены три принципа, существовавшие в российском обществе до октябрьской революции: 1) верховенство Закона, 2) разделение властей и 3) организация судебного производства.

Специфика и сила судебной власти – в ее консерватизме: суд не выступает с инициативами, он следует принципу "разумного запаздывания".

С. Джерман, посвятив свой доклад организованной преступности, утверждал,

что в ряде стран СНГ и регионов России мафиозные структуры стоят у власти. При этом, в отличие от Италии, мафия в РФ проникает во все сферы экономики, например, в банки. Государство же пока не в силах справиться со сложившейся ситуацией.

А. Назимова охарактеризовала состав российского парламента и его динамику за 1991–1993 гг. По результатам ее анализа в новом парламенте по-прежнему преобладают "руководители" разных уровней, хотя их число снизилось с 78 до 61%. Доля предпринимателей и банкиров возросла с 1 до 10%. Практически отсутствуют депутаты из рабочих и крестьян, представительство которых упало с 6 до 1%. Парламент стал более профессиональным, хотя еще и далеко недостаточно.

Заключая конференцию, У. Черрони высказал следующее мнение. Определяя суть устремлений России на ближайшие годы, вряд ли можно обойтись такими категориями общественных формаций, как "капитализм" и "социализм". Речь идет скорее о некоторой конвергенции этих понятий в сторону некоторого "либе-

риализма". Лучше также говорить не просто о "правовом", а о "демократическом правовом" государстве.

Вряд ли можно считать, что в Советском Союзе была действительно осуществлена первоначальная, классическая идея марксизма. Важно, однако, другое. Крах СССР под напором внутренних противоречий произошел без войны. Подобных прецедентов мировая история не знала. Россия идет не на Запад и не на Восток, а своим путем, постоянно реализуя выбор свободы и становясь для Запада громадной лабораторией построения общества, в котором будут сочетаться демократия и рынок. Объективная основа таких устремлений у разных стран одинакова, но пути и формы, очевидно, могут быть существенно различными.

Председательствующий, поблагодарив всех участников конференции, выразил уверенность в том, что итоги ее трехдневной работы внесут полезный вклад в практическое решение проблем, стоящих в настоящее время в России.

Беттини Р., Астахов А.С.